

А.Г.Шевченко

ЛИРИКА МОСКОВСКОГО ПЕРИОДА

Первым опубликованным после переезда в Москву было очень значимое, можно сказать программное стихотворение Багрицкого – «Стихи о поэте и романтике». Однако прежде чем обратиться к нему, необходимо обратиться к другому, содержащему некий подступ, раннюю стадию размышлений, которые впоследствии обрели окончательную форму, – «К огню вселенскому».

Чтобы правильно понять смысл определения «романтический», дважды фигурирующего в этом стихотворении, необходимо исходить из того очевидного факта, что все оно от первого до последнего слова написано иронически, и мысль поэта не только не соответствует буквальному смыслу, но зримо ему противоречит. Вслушаемся в любой фрагмент стихотворения, хотя бы такой:

О театральные химеры!
 Необычаен трудный вольт:
 Пышноголового Мольера
 Сменяет нынче Мейерхольд.
 Он ищет новые дороги,
 Его движения грубы...
 Дрожи, театр старья, в тревоге:
 Тебя он вскинет на дыбы [1:310].
 И вот две интересующие нас строфы:
 Всё было скучно и знакомо,
 Как примелькавшиеся сны,
 От гула жестяного грома
 До романтической луны.

Луна появилась здесь, несомненно, потому, что на протяжении многих лет была самым распространенным и избитым романтическим штампом, которые высмеивали все: от Кюхельбекера: «Картины везде одни и те же: *луна*, которая – разумеется – *уныла* и *бледна*...» [4:194] до Маяковского: «...что луна, мол, над долиной, / мчит, ручей, мол, по ущелью...» [5:112]. И вот второе упоминание:

Театр уже скончался старый
 Под рокот лир и трубный гром.
 Пора романтиков гитару
 Фабричным заменить гудком.

В обоих случаях, при очевидных различиях, «романтик», «романтический» для Багрицкого – нечто устаревшее, примелькавшееся, надоевшее, словом, **не свое**. В «Стихах о поэте и романтике» все гораздо

сложнее. Это и неудивительно. Ведь «К огню вселенскому» – иронический лирический набросок, а «Стихи о поэте и романтике», без всяких преувеличений могут быть названы творческим манифестом, который поэт и после первой публикации продолжал вынашивать и лишь в 1929 г. создал окончательную редакцию.

Хотя в заглавии слово «романтика» стоит в единственном числе, в тексте присутствуют несколько обликов разных «романтик», а если одна, то все время меняющаяся и внешне, и внутренне. Прежде чем обратиться к романтике как лирическому персонажу стихотворения, поэт бросает взгляд в собственную душу и собственное творчество, напоминает о том, что многими темами многих стихотворений он был подготовлен к тому, чтобы стать певцом романтики:

Романтика! Мне ли тебя не воспеть,
Откинутый плащ и сверканье кинжала,
Степные походы и трубная медь...
Романтика! Я подружился с тобой,
Когда с пожелтевших страниц Вальтер Скотта
Ты мимо окна пролетала совой,
Ты вызвала криком меня за ворота! [1:348].

Упоминание здесь Вальтера Скотта очень значимо. Проникновение европейского романтизма в русскую литературу связано прежде всего с двумя именами – Байрона и Вальтера Скотта. Первый воздействовал главным образом своими поэмами и вызвал появление целого потока поэм, которые историки литературы так и называют байроническими, а Вальтер Скотт, которого Пушкин назвал «шотландским чародеем», содействовал взлету жанра исторического романа. Было бы, однако, большим заблуждением думать, что влияние каждого распространялось в пределах одного рода литературы. Оба они создали романтический мир, проникавший в общественную психологию современников, а уже через нее на страницы романов и поэм. Значима и «сова», с которой ассоциировались зловещие предзнаменования: вспомним хотя бы «плач совы» в «Полтаве» Пушкина.

Но когда поэт выходит на крик совы, то он видит не то, чего ожидал, и это вызывает у него удивленное восклицание: «Романтика! Здесь?! Неужели она? / Совой была ты и женщиной стала». И в миг исчезает таинственность, условность, все, что было привнесено в романтическую литературу устойчивыми традициями, повествование насыщается прозаическими бытовыми элементами: закуска, выпивка, «пальцы худые». Но став женщиной, романтика не стала, как можно было ожидать, предметом любви и каких-либо романтических чувств, которые отвергаются с определенным элементом презрительности: «... я не пришел / С тобой целоваться под сизой сиренью».

Романтика возвратилась в эту страну, потому что «дорог на земле для романтики мало», а с этой землей ее связывает святое: «Здесь Пушкина в сад я

водила гулять, / Над Блоком я пела и зыбку качала». Но застаёт она здесь не то, чего ждала: время революционных потрясений, «взорванный семнадцатый год». И далее идет текст, на анализе которого необходимо специально остановиться. В изданиях Багрицкого он печатается так:

И два человека над временем встали...
И первый – храня опереточный пыл,
Вопил и мотал головою ежастой;
Другой, будто глыба, над веком застыл,
Зырянин лицом и с глазами фантаста... [1:348].

Казалось бы, идентификация этих лиц не вызывает сомнений: Керенский и Ленин. Однако известно, что в первом варианте стихотворения, который остался неопубликованным, вместо этих строк были другие:

И первый из них был упрям и хитер,
Бочком пробирался, стыдясь и робея,
Другой, волосатый — провизор и черт,
Широкий в плечах и с лицом иудея.

Здесь в первом легко угадывается Ленин. Вспомним, что именно таким изображает его и Маяковский: «Бочком вошел незаметный Ленин». А второй – вне всяких сомнений, Троцкий. С. Стратановский, по статье которого нами цитируется первая редакция стихотворения [1:199], сопровождает его напоминанием о том, что после переезда в Москву Багрицкого представили Троцкому, «который был одним из его кумиров <...> Багрицкий искренне восхищался Троцким как сильной личностью, находящейся “по ту сторону добра и зла”, да и идея “перманентной революции” была, вероятно, ему близка» [1:199].

В период революции и гражданской войны имена Ленина и Троцкого постоянно стояли рядом (вспомним хотя бы знаменитую книгу Д.Рида «Десять дней, которые потрясли мир» или распространенную в годы гражданской войны песню «Не за Троцкого я, не за Ленина, / За донского казака, за Каледина»). Но ко времени публикации «Стихов о поэте и романтике» положение Троцкого серьезно пошатнулось, он был смещен с поста военкора, вместе с Зиновьевым возглавил т.н. «новую оппозицию», и Багрицкий оказался вынужден внести изменения в свои стихи по цензурным соображениям. Самым сильным доводом в пользу данной гипотезы являются, на наш взгляд, следующие строки:

На площади гомон, гармоника, дым —
И двое встают над голодным народом.
За кем ты пойдешь? Я пошла за вторым —
Романтика ближе к боям и походам...

В противопоставление Ленину Керенскому это никак не укладывалось, зато полностью соответствовало образу Троцкого, который на протяжении военных лет непрерывно перемещался в своем поезде с одного фронта на другой («Фронты за фронтами. / Ни лечь, ни присесть!»), и в этом поезде он выпускал газету, которая так и называлась: «В пути».

Есть в стихотворении еще одно место, в котором налицо искажение текста под влиянием автоцензуры. Речь идет о трагической судьбе Гумилева, который еще с юности был для Багрицкого предметом восхищения и подражания. При советской власти достоверным считался такой текст:

Депеша из Питера: страшная весть
 О черном предательстве Гумилева...
 Я мчалась в телеге, проселками шла;
 И хоть преступленья его не простила, —
 К последней стене я певца подвела,
 Последним крестом его перекрестила... [1:349].

При мало-мальски внимательном его рассмотрении уже он дает основания для подозрений в странных противоречиях и неувязках. Если Гумилев в самом деле предатель и преступник, не заслуживающий прощения, то почему для его характеристики избрано несколько устаревшее, но возвышенное определение «певец», традиционно использовавшееся, когда речь шла о поэтах, вызывающих преклонение и восхищение. И что побуждало Романтику преодолевать трудности и преграды ради того, чтобы перед казнью осенить его крестным знаменем?

Все эти недоумения отпадают, когда мы читаем то, что написал (а не напечатал!) Багрицкий и что сохранила его рукопись:

Депеша из Питера: страшная весть
 О том, что должны расстрелять Гумилева.
 Я мчалась в телеге, проселками шла,
 Последним рублем сторожей подкупила.
 К смертельной стене я певца подвела,
 Смертельным крестом его перекрестила.

К.М. Бугаева, цитирующая вышеприведенный текст по архиву Багрицкого, пытается так объяснить его отличия от того, который позднее появился в печати: «Если в первых вариантах в Багрицком говорит только поэт, который приходит в ужас от того, что будет уничтожен талантливый собрат по перу, хотя и из другого лагеря, то в каноническом тексте в нем заговорил и гражданин, романтика его приобретает некоторые черты гражданственности. Но все-таки и в каноническом тексте поэт побеждает гражданина...» [2:74-75]. Тщетные увертки! Не поэт побеждает гражданина, а цензор побеждает поэта, и его подлинная мысль оказывается не в состоянии пробиться в печать.

Романтика, близкая «к боям и походам» – это ее следующее, уже четвертое преобразование: «Романтика в партии! Сбоку наган, / Каракуль на шапке зернистой икрою...». Но своего места она не находит и здесь:

И товарный вагон
Шатает меня по России убогой...
Тут новое дело – из партии вон:
Интеллигентка и верует в бога [1:349].

Ее окружает уже не просто будничная, но суровая до жестокости обстановка военного времени: бездомная голь везет менять муку и лиманскую соль на ночную посуду и пестрые ситцы. Романтике в таком окружении, разумеется, неуютно: она «в угол забилась, как заяц». И новый, совершенно неожиданный поворот:

Приехали! Вился по улицам снег.
И вот сквозь метелицу, злой и понурый,
Ко мне подошел молодой человек:
«Романтика, вы мне нужны для халтуры!
Для новых стихов не хватило огня,
Над рифмой корпеть не хватает терпенья;
На тридцать копеек вдохните в меня
Гражданского мужества и вдохновенья...».

В статье Багрицкого «Как я работал в 1920 году» он цитирует слова, сказанные Сен-Жюстом в Конвенте: «Надо карать не только преступников и предателей, но и равнодушных. Равнодушие – это один из самых страшных ущербов, наносимых республике». И далее так интерпретирует эту мысль: «За формальным совершенством таких стихов, за виртуозной композицией и головоломным словарем стоит самый страшный враг прогрессивного, гуманного искусства – равнодушие. По-моему, это происходит оттого, что за всеми этими вывертами не чувствуется живой, сегодняшней, близкий человек. Это равнодушие одного рода. Но есть равнодушие другого типа – это равнодушие некоторых поэтов-лефовцев. Их творчество мистифицирует читателя внешней злободневностью и политической актуальностью. Что же получается, если присмотреться к этим стихам? Живая жизнь подменяется готовыми, заранее данными формулами...» [3:227-228].

На первый взгляд может показаться, что речь здесь о другом. Нигде ведь не сказано, что этот «молодой человек» – лефовец. Мы ничего не знаем о его пристрастии к словесным вывертам, к готовности мистифицировать читателя внешней злободневностью и политической актуальностью. Но в самом деле за его желанием избежать того, чтобы самому корпеть над рифмой, и прикупить (да еще за 30 копеек!) гражданского мужества и вдохновенья стоит именно равнодушие и согласие подменять живую жизнь заранее данными формулами.

Этот «молодой человек» играет в идейно-образной структуре стихотворения двойную роль. Во-первых, он служит обличению тех, кому истинная романтика чужда, кто стремится лишь эксплуатировать ее популярность и компенсировать отсутствие у них важнейших для поэта качеств: гражданского мужества и вдохновенья. Показательная деталь: в отличие от поэта, лирического героя стихотворения, он с романтикой на «вы». Во-вторых, демонстрируется отличие тех побудительных причин, по которым он обращается к романтике, от тех, по которым это делает поэт. Естественно, он романтикой отвергнут – она приходит к поэту. Приходит в «пустынную пору», когда все традиционные атрибуты романтики пришли в негодность: «знамена в чехлах, и заржавлены трубы». И сама она «стара», у нее «старушечья голова», «морщины у глаз и расшатаны зубы». Не поэт нуждается в ней, а она в нем. Она ему говорит:

... я бездомная тень,

Бездомные песни в ночи запеваю,

К тебе я пришла сквозь туман и сирень.

Такой принимаешь меня? – Принимаю! [1:349-350].

И принимает он ее в сознании убежденности в своей силе, в способности ее поддержать. А источник его силы не в чем ином, как в приверженности именно к романтике, ее атрибуты составляют его опору:

За мною полками стоят соловьи,

Ты видишь – июльские ночи за мною! [1:350].

Таким образом, «Стихи о поэте и романтике» при несомненной сложности и неоднозначности их содержания завершались все же на оптимистической ноте.

Литература

1. Багрицкий Э.Г. Стихотворения и поэмы. М., Л.: Сов. писатель, 1964. – 571 с.
2. Бугаева К.М. К вопросу об эволюции романтизма Эдуарда Багрицкого // Вопросы русской литературы, вып.2. Львов: Изд. Львовского ун-та, 1966. – С. 73-78.
3. Крейншлина И., Динерштейн Е. Э.Багрицкий о себе (По неопубликованным материалам из архива поэта) // Москва, №3. М.: Сов. писатель, 1959. – С. 227-228.
4. Литературно-критические работы декабристов. М.: Худ. лит., 1978. – 374 с.
5. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.. т.10, М.: Гослитиздат, 1958 – 384 с.

АНОТАЦІЯ

В статті аналізується твір Едуарда Багрицького «Вірші про поета та романтику», якому належить особливе місце в творчості московського періоду поета. В цьому вірші Багрицький відображає перевтілення романтики наряду з суспільними змінами. Поет в котре підтверджує свою вірність романтиці і готовність служити їй на користь народу.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется произведение Эдуарда Багрицкого «Стихи о поэте и романтике», которому принадлежит особое место в творчестве московского периода поэта. В этом стихотворении Багрицкий отображает перевоплощения романтики наряду с общественными изменениями. Поэт в очередной раз подтверждает свою верность романтике и готовность служить ей во благо народа.

SUMMERY

Eduard Bagritskij's piece of work «Poems about poet and romance», which occupies a considerable place in Moscow period of the poet's creative work, is analyzed in the article. In this verse Bagritskij reflects transfigurations of romance according to social changes. The poet confirms once again his loyalty to romance and his readiness to serve it for the sake of people.